

АНДРЕЙ ФАУСТОВ

ВО ВСЕ ВРЕМЕНА... ОБ АЛЛЕ БОРИСОВНЕ БОТНИКОВОЙ

*«Преодолев затверженность природы...»
О.Э. Мандельштам*

В филологическом сообществе профессор Алла Борисовна Ботникова известна самыми разными своими работами, но прежде всего — уже ставшей классической монографией «Э.Т.А. Гофман и русская литература. (Первая половина XIX века)» (Воронеж, 1977) и обобщающей книгой «Немецкий романтизм: диалог художественных форм», вышедшей двумя изданиями (Воронеж, 2004; Москва, 2005) и растиражированной в Интернете. Высокая научная репутация обеих этих больших работ, равно как и многочисленных не менее элегантных статей, которые принесли их автору славу крупнейшего отечественного знатока литературной судьбы Гофмана на русской почве и вообще германского романтизма, напрямую обусловлена особым, неподдельным исследовательским почерком Аллы Борисовны.

Может быть, наиболее эффектно он проявился в своеобразной дополнительной главе к первой из двух монографий — в статье о Гофмане и Лермонтове в коллективном сборнике «Художественный мир Э.Т.А. Гофмана» (Москва, 1982). В фокусе статьи — прочтение на фоне Гофмана незаконченной повести Лермонтова «Штосс», одного из самых «неудобных» для лермонтоведов произведений. К примеру, такой пронизательный мыслитель, как Я.Э. Голосовкер, усмотрел в повести изначальную мистификацию — и не только в ситуации «исполнения» повести (пообещав избранному кругу гостей в салоне Е.П. Ростопчиной четырехчасовое чтение нового

романа, Лермонтов занял их внимание не более пятнадцати минут), но и в нарочито озадачивающем соединении трех планов — «оккультно-спиритического», «психопатологического» и «романтико-реалистического» (как их назвал Голосовкер), ни один из которых в отдельности не дает ключа к пониманию «Штосса». В студенческие годы автору этих строк также довелось — без особого успеха — прикоснуться к этой повести, и среди прочитанного о ней статья Аллы Борисовны еще тогда поразила одним наблюдением, которое дает возможность

совершенно определенно разрешить вопрос об «иррациональном» элементе в сюжете. Герой повести Лугин проигрывает загадочному старичку не мнимые, а вполне реальные золотые и для того, чтобы продолжать игру, даже продает свои вещи. Это точное наблюдение снимает вопрос об иллюзорности приключившихся с героем событий и одним фехтовально изящным уколом (подобным воспетым Мандельштамом «Ахматовой уколам») позволяет попасть прямо в цель. Такое умение, всмотревшись в подробность, вдруг увидеть сложное как простое, не банализируя сложное, но вскрывая, обнаруживая его суть, составляет едва ли не самую характерную черту научного стиля профессора Ботниковой.

И дело не просто в исследовательской оптике. Когда несколько лет тому назад в газете «Воронежский курьер» начали появляться мемуарные очерки Аллы Борисовны, собранные затем в книгу «В те времена...» (Воронеж, 2008), для меня, как и для многих, это стало

С первыми цветами
от студентов

открытием. Замечательный ученый оказался не менее интересным прозаиком, со своим выразительным — пластичным и простым без аффектации — языком. Но, пожалуй, главное в мемуарах — очень внимательный взгляд наблюдателя, напрочь лишенный какой бы то ни было фальшивой сентиментальности, к которой жанр предрасполагает. О подобных aberrациях памяти сама Алла Борисовна не раз высказывалась — и устно, и письменно — крайне иронически, ссылаясь на одну свою почтенную знакомую, которая говаривала, что в их пору и колокольчики цвели по-другому (или, в иной версии, — были крупнее).

Повествовательный этос воспоминаний Аллы Борисовны в чем-то созвучен позиции Герцена в его «Былом и думах»: «Отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге». Но все же за этим сходством проглядывает глубинное различие. В предисловии к мемуарам и в начале первого очерка Алла Борисовна повторяет, с некоторыми вариациями, одну чрезвычайно значимую для нее идею: «Время утекает безвозвратно, как вода, зачерпнутая в ладони. В книгах историков оно задерживается лишь частично. Во всех же своих подробностях остается только в памяти его переживших»; «Любые мемуары во все времена пишутся из желания задержать все разрушающее время, хоть на малость сохранить то, что неумолимо подлежит уничтожению». Память мемуариста — вместительница тех мелочей, по которым узнается та или иная эпоха и которые обречены на исчезновение, если их хранителем не сделается тот, кому выпало стать свидетелем разрушительной работы времени. Такое восприятие истории можно было бы назвать элегическим стоицизмом, когда власть времени признается как нечто неотменяемое, но не фатально насильственное, а изнутри переживаемое и принимаемое, что бы ни готовили впереди неизбежные перемены

(одна из любимых присказок Аллы Борисовны: «Хуже может быть всегда»). Пушкин в восьмой главе «Евгения Онегина» сформулировал выстраданную им близкую истину так: «Блажен, кто смолоду был молод, / Блажен, кто вовремя созрел, / Кто постепенно жизни холод / С летами вытерпеть умел...».

Подобным переживанием времени обусловлено не только внимание к ускользающим подробностям жизни. В одном из интервью Алла Борисовна заметит: «Если задуматься, есть что-то призрачное в человеческом существовании. Прежде всего — его кратковечность, неоднократно оплаканная поэтами всех времен». В ином развороте та же мысль возникает в панорамной статье о Гофмане и русской литературе; комментируя сценарий А.А. Тарковского «Гофманиана», Алла Борисовна напишет: «Жизнь столь же призрачна, как фантазия, а фантазия реальна, как жизнь. Только искусство способно возместить жизненные утраты». И особенно такое искусство, которое находится на некоторой дистанции от реальности; отсюда, несомненно, исследовательское пристрастие к романтизму, а в нем — к фантастической и сказочной стихии (ей посвящена значительная часть книги о немецком романтизме). Но и литература как таковая позволяет, хотя бы на миг преодолеть несправедливость существования, выбраться из потока событий и зарезервировать за собой толику внутренней свободы. Неудивительно, что Алла Борисовна в полной мере принадлежит к той сейчас уже почти исчезнувшей породе людей, которые непрерывно читают и не мыслят себя вне того мира, где поэзия и правда перемешиваются друг с другом и где факты жизни предстают не в сиюминутной голой истине, а в преобразующей их «цитатной» подсветке, закутанными в «цветной туман» (по словам Блока). Имея в виду занятия филологией, Алла Борисовна определит это так: «...мы, обреченные

На госэкзамене:
А.М. Абрамов,
А.Б. Ботникова,
Б.Т. Удодов.
1985 г.

(или назначенные судьбой) толковать то, что Мандельштам определил как “чужих певцов блуждающие сны”, тоже в охотку рассказываем уже свои сны по поводу их снов». Отсюда же любовь к путешествиям — не ради созерцания красот природы, а по обжитому, наполненному следами минувшего урбанистическому пространству (Алла Борисовна не однажды рассказывала о том, как ей нравится бродить по незнакомому городу, открывая его для себя). А в последние годы к перемещениям в географических координатах добавились путешествия по сети и общение по скайпу с друзьями и знакомцами со всего света. «Блуждающие сны» (нынче обретшие и электронную форму), навещая человека, ниспосылают ему возможность освободиться от давления времени и обрести внутреннюю независимость и покой.

С этим непосредственно связано и еще одно. Алла Борисовна обладает открытым умом, что нечасто и в науке, и в жизни, где большинство пробавляется раз и навсегда затверженными мифологизированными правилами и мнениями и мыслить «от первого лица» решительно отказывается. И умом поэтому очень трезвым, скептически — и по отношению к другим, и по отношению к себе, и по отношению ко всякого рода условностям, которые нужно уметь соблюдать (на то они и условности), не впадая в патетику, не преувеличивая меры их серьезности. Для того чтобы дать некоторое представление об этой особой, фирменной манере смотреть на вещи, приведу лишь один пример. Когда несколько лет назад я собирался на высокоученую конференцию в Геттинген, Алла Борисовна посоветовала перечитать «Путешествие на Гарц» Гейне и не без удовольствия процитировала оттуда: «В общем жители Геттингена делятся на студентов, профессоров, филистеров и скотов, каковые четыре сословия однако далеко не строго различаются между

собой. Сословие скотов — преобладающее» (эта реплика приводится и в опубликованной лекции Аллы Борисовны о Гейне как парадоксальный образчик презрения поэта ко всему филистерскому и надежды на то, что немецкий народ рано или поздно пробудится от своего политического долготерпения).

И именно эта открытость придает Алле Борисовне удивительную стойкость перед всякого рода жизненными невзгодами и столь же удивительную не выставляемую напоказ скромность и доброту. Рассказывая о какой-нибудь очередной выпавшей на ее долю удаче или почести, Алла Борисовна привычно сравнивает себя — без малейшего намека на кокетство — с крошкой Цахес, гофмановским персонажем, которому благодаря колдовству приписывали достоинства и заслуги окружающих его людей. Когда Алле Борисовне попадает в руки чья-нибудь не слишком качественная научная продукция (дальнейшая участь которой так или иначе зависит от нее), она тут же — естественным и бескорыстным образом — берется эту продукцию совершенствовать просто потому, что по-другому не может. И мне — человеку совсем иных лет — не однажды приходилось выслушивать в ответ на слова о нехватке времени и сил абсолютно искреннее предложение приехать и чем-то помочь.

Во все времена хороших людей было не слишком много. И когда всерьез осознаешь эту нехитрую истину, начинаешь вдвойне ценить то счастье, которое дарует присутствие рядом такого человека. Не уверен, повезло ли Алле Борисовне с местом ее пребывания на Земле (по крайней мере, сама она не раз высказывалась на этот счет весьма саркастически), но и филологическому факультету, и Воронежскому университету, и всему городу Воронежу необычайно повезло, что судьба связала с ними жизнь Аллы Борисовны Ботниковой вот уже шестьдесят четыре года тому назад.